

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ДОМ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Сабиров Немат Казакбаевич

старший преподаватель

Ферганского государственного университета

Исмаилова Гулжахон Абдурашидовна

магистрант 2-го курса

Ферганского государственного университета

Аннотация. В данной статье рассматривается аксиология как средство репрезентации концепта «Дом» в русской языковой картине мира. Одним из главных объектов нашего анализа при рассмотрении картины мира является область человеческого быта. Именно поэтому бытовая лексика активно исследуется лексикологами, диалектологами, лексикографами, лингвокультурологами. Подробное изучение бытовой лексики позволит нам установить некоторые факты экстралингвистического характера, например, проследить за ходом становления культуры, развития языка, формирования народного мировоззрения.

Ключевые слова: языковая картина мира, лексика, семантическая связь, лексема, семантическое поле, концепт.

Эволюция мыслительной деятельности обязательным образом просматривается в различных лингвистических фактах, в том числе и в процессе концептуализации мира. Аксиология как средство репрезентации концепта «Дом» в русской языковой картине мира, входит в пласт бытовой лексики. К примеру, изучив номинации, входящие в семантическое поле концепта «Дом», можно определить мифологические представления наших предков, выявить особенности окружающей среды и жизненного уклада, развития межкультурной коммуникации и международных отношений. Образ дома, существующий в коллективном сознании носителей русского языка, обретает свое выражение на многих языковых уровнях, например, на лексическом, паремиологическом, фразеологическом.

Исследования последних десятилетий в области этимологии показали, что так называемое добавочное, значение лексемы дом наблюдается не только в русском, но и во многих языках индоевропейской группы, а в некоторых из них выступает в качестве основного значения. Например, латинское слово *domus* имеет значение дома не как жилой постройки, а выступает символом семьи, это, прежде всего, социальный термин, а не строительный. О.Н. Трубачев также утверждает, что «*domus* обозначает семью, род. По этой причине основа данного слова входит в состав греч. *demspot* – «деспот» («господин, глава семьи»),

социального по своей природе термина» [Трубачев 1976: 149]. Ученый подтверждает это русскими формами *домой*, *дома*, которые, при всей своей специфике наречий из старых падежных форм, по-прежнему имеют именные значения «к себе», «у себя», а не «под крышу», «под крышей». Если эти рассуждения справедливы, то соотношение *дом – дерево* тождественно соотношению *семья – дерево*, а это уже репрезентация мифологических представлений о том, что мир, окружающий человека, зеркально отражает мир природы. С концептуальной точки зрения, *дерево* – это не просто растение, а символ родства (отсюда возникает генеалогическое *дерево*).

Таким образом, семантическая диада «*дом – дерево*» достраивается до триады «*дом – дерево – семья (человек)*». Поэтому данная подборка слов становится связанной между собой, концептуально значимой системой. В.В. Колесов в монографии «*Мир человека в слове Древней Руси*» отмечает, что слово *дом* «ничего и не значит, как просто «*дом*», и потому первоначальный смысл корня выделить достаточно сложно. Так как *дом* – это «*жилье вообще*», то слово это и стало родовым обозначением *жилья*, а также всего, что в нем расположено» [Колесов 1986: 194]. В.Е. Гольдин указывает в статье «*О языковом выражении тематических связей названий построек и их частей в русских говорах*», что классификация слов данной категории вызывает немало противоречий: «Лингвисты, исходя не из семантических закономерностей, а из той или иной группировки предметов и явлений, очень часто не имеют прочных оснований для своих классификаций и стоят на грани утраты предмета своей науки». [Гольдин 1995: 282]. Автор также выделяет в качестве частотных следующие номинации типичного русского *жилья*: *дом*, *хата*, *изба*.

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова лексема *дом* известна в значении «*жилое здание, строение, жилое пространство человека*» [Ушаков, 1 2005: 425]. В словаре В.И. Даля *дом* – это «*изба, крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками (без указания места)*» [Словарь русских народных говоров, 8 1975: 116]. В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой семантика слова *дом* дается в следующей последовательности, что подтверждает наше предположение о наличии у слова главного и добавочного значений, отраженных в русских поговорках: «1. Здание, строение; 2. Жилое помещение, квартира; 3. Семья, люди, живущие вместе» [Словарь русского языка 1985: 425]. В.В. Колесов отмечает, что любое производное слово даже с течением времени не теряет семантической связи с производящим: «Общее значение слов с корнем *дом*- можно было бы описать как «*искусственно созданное и для каких-либо целей предназначенное помещение*»: *домец* – «*деревенская игра, род лапты*», *домик* – «*пчелиный улей*», *домник* – «*чан для варки пива*», *домушка* – «*будка для собаки*» [Колесов 1986: 195]. Предположительно, ближайшими к ядру концепта «*Дом*» лексемами, являются следующие номинации жилых построек: *дом*, *хата*, *изба*.

Строго разделить данные слова в семантическом плане довольно трудно, так как разница в данном случае связана не с лингвистическими особенностями указанных слов, а с внешними различиями самих реалий, с многообразием типов жилых построек в русской культуре.

Лексема хата достаточно быстро была ассимилирована русским языком, на что указывает ряд производных слов: хатица, хатина, хатка. Достаточно распространенными наименованиями жилища как постройки на Руси были и два других зодческих термина – хоромы и палаты. Активное распространение они получили во времена Царской России. Только хоромы, – как сказано в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, – «здание деревянное, а палаты каменное (От трудов праведных не наживешь палат каменных)» [Даль 2006г: 346]. Этимологический анализ слова хоромы позволяет установить, что данное слово исторически имеет более широкую семантику, чем в современном языкознании. Хоромами обозначались самые различные «деревянные постройки, включая ограждения, ворота, оборонительные черты, не предназначенные для прямого проживания человека» (Чей дом, того и хоромы). Использование множественного числа слова указывает на тот факт, что постройка имеет сложную структуру, состоящую из множества составных частей или сходных элементов. Семантические различия между указанной парой можно проследить в тексте Указа правительства от 1688 года, в котором вводился строгий запрет на постройку трехэтажных хором и деревянных чердаков над каменными палатами в целях защиты жилых построек от пожара («а впредь на палатах своих деревянного хоромного строения отнюдь ни которыми делы никому делать не велено»). В древнерусских текстах можно встретить особые формы слова хоромы: храмина, храм, храмец. Они используются для обозначения «часовни, горницы, шатра». И только с течением времени к середине XIV века храм приобретает значение «здания для молитвы, культового здания». Именно в этот период происходит распад синонимической триады «дом – храм – хоромы» с последующим семантическим расхождением: дом – «жилое здание», храм – «культовое здание для совершения молитвы», хоромы – «богатый дом, дворец из дерева». Зодческий термин терем, используемый также для обозначения жилья и довольно часто употребляемый в фольклорных жанрах, по определению историков языка, является заимствованием из греческого языка. Изначально в древнерусских памятниках слово терем фиксировалось в форме теремьнь. Греческое слово *teremnon* в результате усложнения основы (переход непроизводной основы в производную) и отсечения неоправданного суффикса – ьнь (по аналогии с именными прилагательными зима – зимний, вечер – вечерний) преобразовалось в древнерусское слово терем, обозначающее «дом, жилище».

Слово чертог, которое имеет семантику «палата, большой и пышный покой», было заимствовано древнерусским языком через древнебулгарский от

персидского слова čartāk («высокая, выступающая часть балкона») [Фасмер 2004б: 348]. В фольклорных жанрах данная лексема часто имеет отрицательную коннотацию (Как живем, не видит Бог – уж высок его чертог). Слово халупа, обозначающее «небольшое, обычно бедное жилье» было заимствовано через польский язык (слово chalupa) из персидского Kulba. Вероятно, родственным ей словом является лексема халуга («шалаш, сплетенный из веток») [Фасмер 2004б: 219]. Данная семантика прослеживается и в пословице Денег достала – халупа тесна стала. Лексема хибара (варианты – ехибарка, хибурка), заимствовано из немецкого языка, в котором das Kaborга обозначает «место, где прячут краденое» [Фасмер 2004б: 234]. Барак, использующийся для определения «временной примитивной постройки для рабочих или пленных» был заимствован из французского языка (baraque), восходит к итальянскому слову baracca [Фасмер 2004а: 123]. Лексема отражена только в одной пословице (Наш барак строил дурак – три стены ни на что не годны). К общим номинантам жилья можно также отнести лексемы, производные от глагола жить: прожитбище – «место, где можно проживать»; жительство – «жилище, обиталище, жилье, дом или занимаемое кем-либо помещение» [Даль 2006а: 545]; житьё – «помещение для жилья, жилище» [Словарь русских народных говоров 1976: 197]; жира – «жилое помещение, дом, изба» [Словарь русских народных говоров 1976: 181]; жирушка – «жилое помещение, изба» [Словарь русских народных говоров 1976: 187]; жило – «всякая постройка» [Словарь русских народных говоров 1976: 175]. Общими наименованиями жилых построек считаются, в том числе, и следующие лексемы: дымъ – «дом, жилище»; домовище – «жилище»; хануля – «хата, изба»; хатица – «хата, избышка»; хуть – «угол, также в значении дом». Эти лексемы используются для обозначения любого из типов жилья, поэтому что не выражают конкретного семантически дифференцированного определения. Наряду с общеязыковыми лексемами (дом, жилище, квартира) имеется множество всем известных полутерминированных слов и словосочетаний. Например, жилплощадь, жилой блок, особняк, пятиэтажка, высотный дом, небоскреб, коттедж. Таким образом, поле концепта «Дом» в современном языке активно расширяется за счет номинаций, описывающих данный фрагмент современной действительности. К ним можно отнести следующие лексемы: апартаменты («очень большая, просторная комната»), вилла («богатый загородный дом, предназначенный для временного, сезонного проживания»), гостиница («жилое помещение для временного расселения проживающих»), дворец, квартира («один из видов жилого помещения, состоящий из одной или нескольких смежных комнат, составляющий отдельную часть дома»), коттедж («одноквартирный частный дом с участком земли»), небоскреб («очень высокое многоэтажное здание»), общежитие, особняк («богато декорированный отдельно стоящий частный дом»), пенаты («родной дом»), пентхауз («жилое место на крыше

многоэтажки»), таунхауз («малозэтажний жилой дом с несколькими подъездами»), усадьба («дом с хозяйственными постройками»), фатера (диалектизм), флэт (жаргонизм).

Таким образом, поле концепта «Дом» в современном языке активно расширяется за счет номинаций, описывающих данный фрагмент современной действительности. В различных наречиях и диалектах лексемы проходили неодинаковые стадии развития, что привело к их семантической неоднородности, а иногда и к получению противоположной экспрессивной коннотации. Изучение истории культурного факта позволило нам выявить лингвистический факт пополнения словарного запаса новой лексемой стена, связанной со строительством жилья, путем заимствования из другого языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Kazakbaevich S. N. et al. SYNTAXIS RUSSIAN LANGUAGE. FUNCTIONALIZATION OF SINGLE PROPOSALS IN PERIODICAL PRINTING TEXTS //Galaxy International Interdisciplinary Research Journal. – 2022. – Т. 10. – №. 4. – С. 486-489.

2. Muratovna Y. U., Kazakbaevich S. N. HERMENEUTICS AS A SCIENCE OF CORRECT UNDERSTANDING AND INTERPRETATION OF THE MEANING OF PHILOSOPHICAL TEXTS //Emergent: Journal of Educational Discoveries and Lifelong Learning (EJEDL). – 2021. – Т. 2. – №. 04. – С. 70-73.

3. Tirashevna K. S., Kazakbaevich S. N. GROUP FORM ORGANIZATION OF LEARNING ACTIVITIES AS AN INTERACTIVE RECEPTION WHEN LEARNING VERB //Archive of Conferences. – 2020. – Т. 12. – №. 1. – С. 7-9.

4. Kazakbayevich S. N. Diplomatic Post as a Source of the Genre of Travel Notes About the Bukhara Khanate //International Journal on Integrated Education. – Т. 3. – №. 12. – С. 221-224.

5. Kazakbayevich S. N., Aleksandrovna K. T. ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ //Zbiór artykułów naukowych recenzowanych. – С. 30.

6. Акбаров О. А., Джагаспанян Р. Н., Исмаилов Р. С. ФУНКЦИЯ ОБРАЗА ПРИРОДЫ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ //IYODKOR O'QITUVCHI. – 2022. – Т. 2. – №. 24. – С. 195-200.

7. Nikolayevich D. R., Ermekovich A. T. ARTISTIC AND AESTHETIC FUNCTION OF THE LANDSCAPE IN SHUKSHIN'S PROSE //Gospodarka i Innowacje. – 2022. – Т. 27. – С. 108-113.

8. Акбаров О. А., Джагаспанян Р. Н., кизи Акрамова Н. А. ПРИРОДА КАК ОДИН ИЗ ОБРАЗОВ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВМ ШУКШИНА //INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE" THE TIME OF SCIENTIFIC PROGRESS". – 2022. – Т. 1. – №. 3. – С. 62-70.

